

Взаимодействие языка и культуры в исследовательском поле: границы и перспективы*

Участники дискуссии: **Ежи Бартминьски** (Университет Марии Склодовской-Кюри, Люблин, Польша), **Елена Березович**, **Ирина Вепрева** (Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия), **Мария Ковшова** (Институт языкознания РАН, Москва, Россия), **Алексей Шмелев** (Институт русского языка РАН, Москва, Россия)

The Interaction of Language and Culture: Research Boundaries and Perspectives

Panelists: **Jerzy Bartmiński** (Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland), **Elena Berezovich** and **Irina Vepreva** (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia), **Maria Kovshova** (Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia), **Alexey Shmelev** (Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

The written dialogue presented below focuses on the correlation between language and culture, which has a rich tradition of linguistic research. The panelists, well-known Slavic scholars, discuss two research perspectives on the issue of “language and culture” embodied in *ethnolinguistics* and *cultural linguistics*. The closeness of the two disciplines is due to their common subject of research; the difference between them, according to Russian linguists, is that ethnolinguistics studies folk traditions within the framework of a diachronic approach, while cultural linguistics focuses on synchrony, and its research scope is not limited to folk language and culture. Depending on their research viewpoint, a linguist may look for culture in a language, and such a perspective is accepted by ethnolinguistics. On the other hand, they may make the determination of the place of language in a culture their research goal, which is a perspective accepted by cultural linguistics. The scholarly reflections include issues related to the formation of

---

* *Citation*: Bartmiński, J., Berezovich, E., Vepreva, I., Kovshova, M., Shmelev, A. (Part.) (2021). The Interaction of Language and Culture: Research Boundaries and Perspectives. In *Quaestio Rossica*. Vol. 9, № 4. P. 1389–1408. DOI 10.15826/qr.2021.4.645.

Цитирование: Bartmiński J., Berezovich E., Vepreva I., Kovshova M., Shmelev A. The Interaction of Language and Culture: Research Boundaries and Perspectives // *Quaestio Rossica*. Vol. 9. 2021. № 4. P. 1389–1408. DOI 10.15826/qr.2021.4.645 / Бартминьски Е., Березович Е., Вепрева И., Ковшова М., Шмелев А. Взаимодействие языка и культуры в исследовательском поле: границы и перспективы // *Quaestio Rossica*. Т. 9. 2021. № 4. С. 1389–1408. DOI 10.15826/qr.2021.4.645.

cultural linguistics, a young complex discipline that is often criticised for its straightforward interpretation of the connection between linguistic facts and culture and for the lack of general methodological principles. The scholars agree that the description of the correlation between language and culture requires the utmost accuracy and exact wording. Currently, a new stage is under way, a transition from multiple interdisciplinarity to a single discipline. The dialogue substantiates the idea that cultural linguistics can take a decisive role at the stage of “agreement”.

Keywords: ethnolinguistics, cultural linguistics, complex disciplines, signs of language and culture, cultural meanings

В повестке представленного ниже письменного диалога находится проблема взаимосвязи языка и культуры, которая имеет богатую традицию лингвистического исследования. Участники дискуссии, известные слависты, обсуждают две исследовательские перспективы изучения проблемы «язык и культура», воплощенные в *этнолингвистике* и *лингвокультурологии*. Близость дисциплин обусловлена общим предметом исследования, различие, по мнению отечественных лингвистов, состоит в том, что этнолингвистика изучает народные традиции в рамках диахронического подхода, а лингвокультурология ориентирована на синхронию и не ограничивает область исследования народным языком и культурой. В зависимости от исследовательской точки зрения лингвист может искать *культуру в языке* – и такая перспектива принимается этнолингвистикой – или ставить своей целью определение *места языка в культуре* – и такая перспектива фактически принимается лингвокультурологией. В поле научных размышлений включены вопросы, связанные со становлением лингвокультурологии, молодой комплексной дисциплины, которую часто критикуют за прямолинейную интерпретацию связи языковых фактов с культурой, за отсутствие общих методологических принципов. Ученые приходят к общему мнению, что описание взаимоотношений языка и культуры требует предельной аккуратности и точности формулировок. В настоящее время намечается следующий этап – переход от множественной междисциплинарности к единой дисциплине. Обосновывается идея, что определяющую роль на этапе «согласия» может взять на себя лингвокультурология.

Ключевые слова: этнолингвистика, лингвокультурология, комплексные дисциплины, знаки языка и культуры, культурные смыслы

И. Вепрева. Бесспорная и очевидная связь между языком и культурой как серьезная научная проблема была поставлена в начале XIX в. в работах В. фон Гумбольдта, изучалась в рамках таких дисциплин, как этнолингвистика, антропология, лингвистическая прагматика, социоллингвистика, но по-настоящему «экспансионизм» современной лингвистики [см.: Кубрякова, с. 278], системные выходы на «чужую территорию» культуры отмечаются на рубеже XX–XXI вв.,

когда мысль об антропоцентрическом устройстве языка, о его субъективности, о том, что «язык скроен по мерке человека» [Степанов, с. 15], пришла на смену сосюррианской идее языка как «самодовлеющей сущности». Человек оказался важнейшим связующим звеном между языком и культурой. Наука о языке из замкнутой и одноаспектной стремится к взаимодействию и комплексности. Так, к настоящему моменту сложились две исследовательские перспективы изучения проблемы «язык и культура», воплощенные в дисциплинах, именуемых *этнолингвистика* и *лингвокультурология*. В ходе диалога хотелось бы обсудить, как разводят предмет исследования эти комплексные дисциплины, в чем трудности изучения языка в культуре или культуры в языке, что нового появилось на данном исследовательском поле.

Первый вопрос, который поставим на обсуждение, это соотношение дисциплин этнолингвистики и лингвокультурологии.

Е. Бартминьски¹. Связь языка и культуры представляет интерес для двух сходных, как близнецы, дисциплин – лингвистики культуры (*польск.* *lingwistyka kulturowa*), или этнолингвистики, и лингвокультурологии. В Польше чаще используют термин *этнолингвистика*, который определяется как культурно-антропологическая лингвистика (*польск.* *lingwistyka antropologiczno-kulturowa*) [Dąbrowska; Bartminski, 2018]; в России популярен термин *лингвокультурология*, этнолингвистике отводится более узкая сфера (народный язык и народная культура).

Для начала следует напомнить, что близость дисциплин обусловлена тем, что сам предмет исследования понимается сходным образом. Это соотношение «язык – культура», в последнее время оно обозначается термином *лингвокультура* (*от* *англ.* *linguaculture*), который подчеркивает их неразрывное единство, но при этом дает определенное преимущество культуре. «Словарь лингвокультурологических терминов» М. Ковшовой и Д. Гудкова предполагает тождество дисциплин, обусловленное общностью источников (антропологические работы Гердера и Гумбольдта), за исключением того, что этнолингвистика изучает народные традиции в рамках диахронического подхода – в отличие от лингвокультурологии, которая ориентирована на синхронию и не ограничивает область исследования народным языком и культурой [Ковшова, Гудков, с. 97, 98–99]. Однако Б. Питерс усматривает различия между российской *лингвокультурологией* и западной *лингвистикой культуры* и *этнолингвистикой*, хотя и не обсуждает их более подробно [Peeters].

На мой взгляд, более важным, чем эти обозначенные М. Ковшовой и Д. Гудковым различия (некоторые из них присущи только российской науке), является разница относительно принятой исследовател-

---

¹ Перевод с польского языка выполнен кандидатом филологических наук, доцентом УрФУ Л. Феоктистовой.

ской перспективы, а значит, и сферы целеполагания. Я постараюсь прояснить ее, во-первых, принимая во внимание буквальное значение самих названий дисциплин, во-вторых, используя критерий точки зрения и направления интерпретации.

Структура обоих названий не оставляет сомнений в их толковании. В двухчленных словосложениях один член доминирует, и в случае *этнолингвистики* это *лингвистика*, а в случае *лингвокультурологии* – *культурология*. Это важное предварительное разграничение, поскольку оно позволяет обратиться к целям и задачам, поставленным обеими дисциплинами, лингвистикой и культурологией. Но ясность, собственно говоря, на этом заканчивается, и возникают вопросы, потому что, хотя парадигмы лингвистики (как структурной, так и антрополого-когнитивной) довольно четко определены, исследовательские парадигмы культурологии (в Польше чаще используется термин *kulturoznawstwo*, букв. «культурознание»), все еще дискуссионны. Например, российская и западная наука предлагают разные концепции культуры (здесь я не буду излагать их) и, соответственно, несколько способов понимания предмета культурологических исследований и взгляда на соотношение языка и культуры.

В конце концов мы должны обратиться к интерпретации двух основных терминов – *язык* и *культура* – и остановиться на сложной проблеме отношений между ними (о том, что их очень трудно описать, говорил уже Клод Леви-Стросс). Во введении к книге «Современный польский язык» я уже писал о том, что связь языка и культуры основана на «взаимной зависимости» [Bartmiński, 2001], а доклад на пленарном заседании XVI Международного конгресса славистов в Белграде в 2018 г. я озаглавил «Язык в контексте культуры». Эта формула содержит два скрытых предположения: первое – что язык и культура являются двумя *концептуально различными феноменами*, а второе – что они фактически образуют *единое целое* и должны рассматриваться во взаимосвязи друг с другом. Я не ставил вопрос о том, какого рода эта взаимосвязь и в чем она должна состоять. Скажу об этом сейчас, ссылаясь на тонкие наблюдения Пшемислава Лозовского в статье «Язык и культура в программе когнитивной этнолингвистики Ежи Бартминьского. Между Сэпиром и Малиновским» [Łozowski]. Автор поставил интересный и важный вопрос о *направлении отношений* между языком и культурой, или о точке зрения. Он отметил три способа связи языка и культуры в работах этнолингвистов: (1) взаимовлияние (симметрия) – к этому склонялись Л. Блумфилд и П. Ньюмарк, а также Никита Толстой, подчеркивающий определенный изоморфизм обоих явлений, (2) одностороннее влияние языка на культуру (языковое доминирование) – так видел эти отношения Эдвард Сэпир, и (3) одностороннее влияние культуры на язык (культурное доминирование) – так видел эти отношения Бронислав Малиновский. Сегодня Лозовский, вероятно, добавил бы к числу тех, кто разделяют третью точку зрения, выдающегося представителя

лингвистики культуры Фарзада Шарифяна [Sharifian]. Ежи Бартминьского Лозовский разместил между ними со следующим комментарием: «В методологии JOS (*польск.* językowy obraz świata – «языковой образ мира»), безусловно, есть разрыв между двумя способами связи языка и культуры, отождествляемыми здесь несколько упрощенно Сэпиром и Малиновским. Однако это следует рассматривать не как недостаток или непоследовательность методологического аппарата Бартминьского, а скорее как приглашение к изучению исследовательских возможностей, предлагаемых его видением отношений между языком и культурой, тем более что эти отношения сознательно и ответственно он называет “парадоксом взаимной зависимости”» [Łozowski, s. 172]. Здесь я принимаю этот вызов и развиваю эту мысль в антрополого-когнитивном духе.

На мой взгляд, натянутость (потому что «разрыв» – слишком сильное слово) в видении культурно-языковых отношений, на которую обратил внимание Лозовский, вовсе не является настоящим разрывом, потому что есть третий неотъемлемый и даже основной участник названных отношений, каковым является человек в роли субъекта познания и субъекта речи, – *homo loquens*. Лозовский упоминает об этом в конце своих рассуждений, но не находит этому тезису применения. Между тем человек-субъект преобразует эти, казалось бы, двусторонние отношения языка и культуры в отношения трехсторонние, с человеком как индивидом и с человеческим обществом, этносом, и человек является конститутивным членом этих отношений:

культура ← === → человек-субъект ← === → язык.

Рассматривается ли язык как аспект культуры или культура как аспект языка, зависит от точки зрения субъекта и направления интерпретации. Это решает «носитель» и «пользователь» языка и культуры, а может быть, даже в большей степени исследователь, лингвист или культуролог. Между тем Лозовский анализирует отношения между языком и культурой безлично, в отрыве от субъекта. И все же субъект четко выдвигается на первый план уже в названии *этно(лингвистика)*, в отличие от культуры, о которой не идет речь на поверхностном языковом уровне, в лучшем случае можно сказать, что культура неявно содержится в определении *этноса*, который имеет прежде всего культурную природу. Например, в «Большой энциклопедии PWN» *этнос* определяется как «любая этническая общность... которая выделяется среди других соседних групп характерной культурой, сформированной в процессе исторического развития» [Wielka encyklopedia PWN, t. 8, s. 384]. И в самом деле, культура упоминается в первой в польской лексикографии дефиниции *этнолингвистики* в «Словаре польского языка» под редакцией В. Дорошевского как «культурно-антропологическая лингвистика» (*польск.* lingwistyka antropologiczno-kulturowa) [Słownik języka polskiego]; в свою очередь,

другое используемое в Польше с 1994 г. синонимическое название этнолингвистики – *лингвистика культуры* (польск. *lingwistyka kulturowa*) утрачивает информацию о человеке или, точнее, скрывает ее в препозиции прилагательного *kulturowy* [Anusiewicz, 1994].

А человек как субъект познания, концептуализации и оценки несет с собой свой культурный багаж, привносит его в язык, тексты вместе со своей системой ценностей и субъективными коммуникативными намерениями. Он также привносит определенные точки зрения и направления интерпретации. Здесь мы подходим к сути интересующей нас проблемы. Изложим ее так: связь языка и культуры можно рассматривать абстрактно, без субъекта, в категориях двух отдельно описываемых явлений – культуры и языка, но можно (и нужно) это делать с учетом субъекта и его подхода, его точки зрения. Носитель лингвокультуры, а тем более наблюдатель и исследователь обоих явлений может искать *культуру в языке* – и такая перспектива принимается *лингвистикой культуры* (этнолингвистикой) – или ставить своей целью определение *места языка в культуре* – и такая перспектива фактически принимается *культурологией* (лингвокультурологией). Мы говорим здесь о дисциплинах абстрактно, в отрыве от субъекта, но в действительности, в дискурсивных практиках перспектива навязывается человеком, *homo loquens*, а в процессе анализа и интерпретации – исследователем языка и коммуникации.

Давайте рассмотрим эту проблему ближе, обратившись к некоторым примерам.

Что имеют в виду, когда говорят, что этнолингвист исследует «культуру в языке», а не «язык в культуре»? Эту формулу использовала когда-то в разговоре со мной краковский лингвист Кристина Писаркова, так же представлял себе суть проблемы Януш Анусевич, автор книги «Культурная лингвистика» [Anusiewicz, 1994], который еще в 1988 г. написал знаменательные слова: «Наша цель... изучить по возможности всесторонне отношения между языком и культурой, исходя из того, что содержание, формы, способы существования культуры описываются с опорой на языковые факты, а не наоборот. Таким образом, культура рассматривается через язык и его единицы (продукты), извлекается и раскрывается с помощью языка и его средств» [Anusiewicz, 1988, s. 23].

В этом же ключе я рассматривал отношения между языком и культурой в своем белградском докладе [Bartmiński, 2018]. Задаваясь вопросом, какие проявления культуры мы можем найти в языке, я указывал их на разных уровнях его организации: от фонетики, морфологии и синтаксиса до лексики, фразеологии и семантики, текстологии и жанроведения.

Системный обзор дается в отдельной статье [Bartmiński, 2010]. В исследованиях, ведущихся в Польше с целью реконструкции языковой картины мира, подчеркивается необходимость учета как можно более разнообразного материала, включая языковые данные, которые содер-

жаты как в грамматической системе, словоизменении и словообразовании, в лексике и фразеологии, так и в языковых и культурных текстах, языковых корпусах, при использовании данных экспериментов (особенно открытых опросов), а также при обращении к социальным практикам и верованиям в соответствии с постулатами современной теории коммуникации. Основная идея исследований люблинских этнолингвистов (но не только их) заключается в выявлении принципов языковой категоризации мира и понимании их культурной основы, то есть управляющей коммуникацией системы норм и ценностей, типов рациональности и передаваемых интенций. Пользователь языка может невольно поддаться исторически сложившимся и унаследованным вместе с языком коммуникативным конвенциям, не обращая внимания на предписанные культурой правила, лежащие в их основе. Это утверждение может быть применено, например, к словоизменительным категориям. Ярким примером является дистрибуция окончаний существительных в именительном падеже множественного числа, которая при более тщательном анализе выявляет привилегированное положение мужественности, что в свое время И. А. Бодуэн де Куртэнэ, известный своими демократическими взглядами, назвал «вирилизацией» польского языка: окончания *-owie* имеют существительные, обозначающие мужчин, которые пользуются особым уважением (*panowie, profesorowie, senatorowie*), в то время как для всех остальных существительных, обозначающих женщин, а также животных и предметы, используется без дифференциации окончание *-y*: *kobiety* <женщины>, *koty* <кошки, коты>, *stoly, trawy, ławy* <скамейки>... Его употребление с существительными, обозначающими мужчин (*chłopy* <крестьяне>, *dziady* <деды>), означало бы девальвацию мужественности!

Наиболее важной языковой сферой, в которой отношения языка и культуры принимают наиболее отчетливую форму, является лексика. Слова с особенно выразительной и обязательной «культурной нагрузкой» описываются под названием *ключевых слов, культурем и лингвокультурем*, а также *культурных концептов* (подробнее об этом см.: [Bartmiński, 2018]).

Изучение «языка в культуре» относится к сфере культурологии, которая использует достижения социолингвистики, эколингвистики, аксиолингвистики, «спрашивает» о ценностях, реализуемых посредством языка, о культуре языка, о его силе и престиже, о культурных кодах и т. д. Ф. Шарифян, предлагая понятия «культурное познание» и «культурные концептуализации» в качестве основы метафор и образных схем, закрепленных в языке, вписывается в традицию Бронислава Малиновского, согласно которому «лингвистика без культурных основ должна быть только карточным домиком... без языка знание какого-либо аспекта культуры неполно... язык сам по себе является культурной силой» [Malinowski, s. 54].

Доминирующие в культуре установки, идеи, иногда обыденная мода навязывают определенные языковые формы, диктуют способы

говорения и использование тех или иных выражений. Например, демократические принципы, обязательные в нашем культурном кругу, требуют равного отношения к людям независимо от расы, религии, пола и сексуальной ориентации. Это соответствует настойчивым в последнее время требованиям женщин (не только феминисток) сделать их социальное присутствие заметным также на языковом уровне. Таким образом, мы наблюдаем не только отход от традиционного использования «родовых» мужских форм для обозначения обоих полов: *Obywatele ma prawa i obowiązki* (= *obywatele i obywatelki*) <Гражданин имеет права и обязанности (= граждане и гражданки)>, *Adwokat broni oskarżonego* (on i ona pełniący zawód adwokata) <Адвокат защищает обвиняемого (адвокатами могут быть он и она)>, *Polak potrafi* (= *Polacy i Polki*) <Поляк сумеет (= поляки и польки)> и т. п., – но и сильное проявление форм женского рода, позволяющее на языковом уровне выделить женщин наравне с мужчинами. «Патриархальные» формы женских фамилий (*Klemensiewiczówna* 'дочь *Klemensiewicza*', *Orzeszkowa* 'жена *Orzeszki*', *Zarębina* 'жена *Zaręby*') – сегодня заменяются двухчленными сочетаниями «девичья фамилия + принятая фамилия мужа», например *Ewa Jalońska-Deptuła*, *Anna Gil-Piątek*, *Maria Skłodowska-Curie*; усилилась также тенденция использовать наряду с формами мужского рода (*czytelnik* <читатель>, *poseł* <посол>, *profesor* <профессор>, *projektant* <дизайнер>, *lektor* <учитель>) производных от них форм женского рода (*czytelniczka*, *posłanka*, *profesorka*, *projektantka*, *lektorka* и т. д.). В речевой практике это приводит к использованию техники *сплиттинга*, которая достигает пика особенно в заявлениях политиков.

А. Шмелев. Продолжая рассуждения профессора Бартминьского, скажу, что в некоторых случаях даже поверхностный взгляд на языковые выражения позволяет понять какие-то вещи относительно культуры, обслуживаемой соответствующим языком. Наличие во многих языках слов со значениями 'гвоздь', 'винт', 'болт', 'гайка', 'клей' и т. п. говорит о способах крепления различных сооружений, используемых в соответствующих культурах. То, что в современном русском языке одно из значений слова *первое* – 'суп', а слово *второе* имеет среди своих значений нечто вроде 'твердое кушанье', позволяет сделать вывод о принятой у русских структуре обеда (заметим, что в этой структуре перед *первым* возможна еще факультативная закуска, но *первым* она при этом не становится, а суп не становится *вторым*). Разумеется, отдельный носитель русского языка может регулярно обедать без супа, но и в этом случае съедаемое им твердое блюдо не будет называться *первое* – будут говорить, что его обед состоял из одного *второго* (а если он ограничился супом, то это был обед из одного *первого* [Левонтина, Шмелев]). В других культурах структура обеда часто бывает совсем другой; другой она была раньше и у русских, так что рассматриваемые значения слов *первое* и *второе* относительно но-

вые. Но и относительно структуры обеда в других культурах кое-что могут нам сообщить языки, их обслуживающие: то, что в итальянском языке сочетание *primi piatti* ('первые блюда') может обозначать разные виды макаронных изделий (паст), говорит нечто о структуре итальянского обеда даже тем, кто с нею не знаком. Заметим, что языковые выражения с такой внутренней формой характерны не для всех языков, однако отсутствие таких выражений вовсе не говорит о том, что в соответствующей культуре нет принятой структуры обеда: причины отсутствия могут быть различны и не всегда очевидны.

М. Ковшова. Согласно основному тезису лингвокультурологии, язык осуществляет семиотизацию культурных смыслов, берущих начало в глубине веков, но когнитивно релевантных современному языковому сознанию. В языке живодействуют архетипы «свой/чужой», «свет/тьма», «близкий/далекий» и др.; сохраняются и множатся, трансформируясь и модифицируясь, символы, эталоны, стереотипы, мифы.

На знаки языка и культуры, служащие проводниками в национальное мировидение, ориентируется обыденное сознание; они являются своего рода формами объяснения действительности, с ними связаны программы деятельности и поведения, культурные прескрипции. Ср., например, использование ключевого слова культуры *наш* с позитивной окраской в политическом дискурсе в лозунгах: «Наш дом – Россия», «Крым наш» и др. или в ироническом ключе для обозначения людей противоположных политических взглядов с помощью неологического деривата *нашисты*, созвучного такой значимой для русского сознания максимально пейоративной номинации, как *фашисты*.

Другой пример: собственные имена в составе фразеологизмов принимают на себя роль кодирования стереотипов, эталонов и т. д. В семантику фразеологизмов стереотипы и эталоны входят в виде культурной коннотации, устойчиво воспроизводимой по смыслу. Так, прецедентные имена во фразеологизме *Ромео и Джульетта* передают стереотипные представления о юных влюбленных; данный фразеологизм принимает на себя роль стереотипа, хранит и транслирует коллективные устойчивые представления о том, что в культуре принято за образец их поведения. С помощью антропонимов кодируются подмеченные черты характера людей, их внешность, поведение; в языковых формах имен культура воплощает важнейшие смыслы. Так, в идиомах *Дунька/Манька с мыльного завода*, *Вася Пупкин, не у Пронькиных* используются распространенные народные имена в социально маркированных языковых формах, с их помощью идея простоты, сопряженная с понятием статуса простого человека из народа, переосмысливается в культурно значимых категориях (с оценкой «минус») невысокого интеллекта, внешней неряшливости, примитивных запросов. Внутренняя форма фамилии *Пупкин* соотносится с телесным кодом культуры, эвфемизацией «телесного низа», что обуславливает юмористическое восприятие онима, служит про-

водником негативных оценок. Собственные имена обобщают наблюдения, собирают социальные типажи, семиотизируют общезначимые оценки и ценности, становятся носителями стереотипов, символов, эталонов и др. и на этом основании являются знаками антропонимического кода культуры [Ковшова].

И. Вепрева. Отечественную лингвокультурологию часто критикуют за псевдонаучные построения, связанные с декларативностью, прямой линией интерпретацией связи языковых фактов с культурой, оперированием отдельными специально подобранными примерами вместо проверки делаемых утверждений на всем массиве языковых данных. Как вы считаете, чем обусловлены эти исследовательские недочеты?

А. Шмелев. Случаи, когда выводы, касающиеся культуры, можно сделать на основе беглого знакомства с несколькими выражениями языка, обслуживающего данную культуру, относительно редки. В большинстве случаев необходимая предпосылка изучения соотношения языка и культуры – детальный семантический анализ языковых выражений. Именно поэтому в работах, посвященных пониманию культуры через язык, часто используются термины и нетерминологические сочетания, заимствованные из аппарата лингвистической семантики. Сюда относится, в частности, сочетание «языковая картина мира» (или «языковая модель мира», или «языковая концептуализация мира»); говорят также о концептах как элементах языковой концептуализации мира. Существенно, что языковая картина мира не детерминирует представлений о мире носителей соответствующего языка; ее составляют те представления, которые носители языка, как правило, не подвергают сомнению в процессе «обычной» коммуникации (вне метаязыковой рефлексии). Языковая картина мира характеризует семантическую систему языка, а не взгляды его носителей. Люди, свободно владеющие несколькими языками, тем самым владеют разными языковыми картинами мира, ни одна из которых не определяет представления о мире этих людей.

В то же время какие-то фрагменты языковой картины мира некоторого языка могут влиять на представления о мире носителей соответствующего языка. Так, в картину мира русского языка (как и целого ряда других европейских языков) входит представление, в соответствии с которым за интеллектуальную деятельность человека отвечает его голова, а за эмоциональную – сердце. Когда носители русского языка встречают в буквально переведенном библейском тексте такие сочетания, как *ожесточенное сердце* или *окаменелое сердце*, они с большой долей вероятности воспримут их как указание на неспособность тонко чувствовать, а не как недостаточную сообразительность или неспособность понимать. При этом русская языковая картина мира в интеллектуальную составляющую человека включает память. Если носитель русского языка задумался над каким-то сложным вопро-

сом, он может *почесать в затылке*, а, вспомнив что-то, *хлопнуть себя по лбу*. В обоих случаях маловероятно, что он *схватится за сердце*. За сердце хватаются, когда волнуются или испытывают какие-то другие сильные (часто неприятные) эмоции. Представления о строении человека и роли его составляющих в его деятельности и психической жизни закодированы в семантике целого ряда русских слов – таких, как *дух, душа, кровь, желчь* и т. д. [Шмелев, 1997].

Многие элементы языковой концептуализации мира (концепты) не обладают культурной значимостью, или, по крайней мере, их трудно связать с какими-то особенностями культуры, обслуживаемой соответствующим языком. Некоторые концепты (так называемые «семантические примитивы») присутствуют во всех или почти во всех языках и в некоторых семантических теориях считаются врожденными. Культурная составляющая в них часто отсутствует, хотя в рамках определенной культуры их использование может характеризоваться некоторыми особенностями (так, к «семантическим примитивам» обычно относят местоимения 'я' и 'ты'; при этом правила их использования во многих культурно-языковых сообществах подчиняется требованиям речевого этикета и политкорректности).

Интерес с точки зрения понимания культуры через язык составляют более сложные концептуальные конфигурации, которые отражают какие-то важные особенности культуры, обслуживаемой соответствующим языком. Коннотации русских слов *простор* и *просторный* соотносятся и с представлением, что человеку нужно много пространства вокруг, чтобы чувствовать себя свободно и хорошо, и с представлением, что открытое пространство может заключать в себе холод, ветер и неожиданности. И то, и другое представление значимы для русской культуры. Специфика русских выражений *утречком, с утра, под утро, наутро, поутру* связана с характерным для русской культуры представлением, согласно которому для концептуализации времени суток более существенно не положение стрелок на часах, а то, что человек делал, делает или собирается делать в данное время [Зализняк, Шмелев].

Взаимоотношения между языком и культурой заведомо не прямолинейны. Язык изменяется, причем изменениям подвержены не только его фонетическая система и грамматика, но и семантическая система, а тем самым языковая картина мира. Кроме того, язык (включая языковую картину мира) подвержен региональному и социальному варьированию и существует в различных функциональных разновидностях. Когда мы говорим о русском или каком-либо другом языке, мы пользуемся абстракцией, удобной для практических целей. Культура в еще большей степени представляет собою абстракцию. Мы можем говорить о русской или финской культуре, но также о европейской культуре, несмотря на разнообразие языков Европы, о швейцарской культуре, хотя в разных кантонах Швейцарии используются разные языки, о традиционной еврейской культуре, хотя носители

этой культуры часто пользуется языками окружающих народов с немногочисленными заимствованиями из иврита и идиша. Возможны и другие уровни абстракции, например, европейская городская культура, современная массовая культура; говорят также о субкультурах различных социальных групп. Все сказанное объясняет, почему описание взаимоотношений языка и культуры требует предельной аккуратности и точности формулировок. (О том, что излишне прямолинейный подход к вопросу о соотношении языка и культуры заведомо обречен на неудачу, см. также: [Шмелев, 2014].)

И. Вепрева. Часто, критикуя лингвокультурологию, в качестве аргумента ученые приводят довод об отсутствии строгой методологии, своих лингвокультурологических методов исследования, присущих только данной дисциплине. Как бы вы отреагировали на эти замечания?

М. Ковшова. Лингвокультурология как междисциплинарное направление сформировалась на соединении двух направлений, также изучающих язык с разных ракурсов, – этнолингвистики и когнитивной лингвистики. Этнолингвистика реконструирует этнические, социальные и культурные формы самосознания, которые восходят к мифологической картине мира, ее архетипам, символам, эталонам, мифологемам и имеют семиотическую презентацию в ритуалах, обрядах и др. Когнитивная лингвистика изучает проблемы интеракции ментальных структур сознания и языковых форм их презентации. Лингвокультурология исследует семантику и прагматику языковых знаков в их референции к пространству культуры, обращается к данным словарей и корпусов, опирается на изыскания этнолингвистики, применяет когнитивный (фреймовый и концептуальный) анализ, использует психолингвистические методики, «включает» метод глубокой интроспекции – все для того, чтобы выявить и описать вплетение смыслов культуры в семантику языковых знаков, чтобы эксплицировать процессы культурно-языковой интерпретации, которые происходят «на глубине» ментальности.

Если у когнитивной лингвистики «нет претензий» к лингвокультурологии, то между этнолингвистикой и лингвокультурологией в настоящее время сложились «напряженные отношения». Действительно, во многих работах, которые именуются лингвокультурологическими, анализ знаков языка и культуры трудно признать состоявшимся. Без обращения к данным этнолингвистики, исходя из случайных разрозненных сведений делаются поверхностные обобщения; изобретаются мифы о народной ментальности: бессодержательно используются понятия «код», «концепт», «символ» и др., к которым для украшения добавляется модное слово «лингвокультурный». В действительности же лингвокультурологический анализ базируется на данных этнолингвистических исследований, и обойтись без этих данных или заменить их бессистемными наблюдениями и псевдонаучными рассуждениями

невозможно, это только вредит делу, вульгаризирует саму идею лингвокультурологии как отдельного направления.

Этнолингвистике свойственно задавать широкое полотно историко-этимологической и культурно-языковой информации, в котором содержатся все собранные знания о языке и жизни того или иного народа; лингвокультурология обращается к этим знаниям как к научному источнику, объясняющему возникновение тех или иных выражений, образов, мотивирующих семантику этих выражений, их символическое значение, их коннотации, особенности употребления и др.

Лингвокультурология ставит в центр своего исследования носителя языка как субъекта культуры и изучает речемыслительные и коммуникативные процессы в пространстве взаимодействия языка и культуры; «по сплетенным и отраженным в процессах семиозиса как бы сокровенным следам этого процесса» [Телия, с. 19] в виде комментария разрабатывается структура культурно-языковой рефлексии языковых знаков разной протяженности (от отдельных номинаций до текстов). Комментарий действует как принцип и способ экспликации живого взаимодействия языка и культуры: в нем отображается лингвокультурная идентичность носителей языка.

В настоящее время наука о языке идет по линии дифференциации языковых ракурсов, или сфер знания, что отражается в самих названиях дисциплин: когнитивная лингвистика, этнолингвистика, психолингвистика, социоллингвистика, лингвокультурология, лингвофольклористика и др. Данные дисциплины часто исследуют одни и те же проблемы, но с позиций разной акцентуации и на разных научных языках. Со временем неизбежно встанет вопрос, как осуществлять систематизацию тех наблюдений, которые получают в рамках той или иной дисциплины, как соединить проводимые под разными ракурсами исследования языка. Один путь – разработка метаязыка, позволяющего переходить с парадигмы на парадигму, осуществляя научный «трансфер» между разными лингвистиками с их системами; второй путь – соединение самих дисциплин, которые может объединить путь к целостному взгляду на язык как антропологический феномен. Единственность истины не отрицает плюрализма познания, и лингвистика, существующая в совокупности всех направлений, начнет переходить от множественной междисциплинарности к единой обогащенной разными знаниями дисциплине, которую Ю. С. Степанов как-то предложил назвать Всеобщей антропологией. Доминантой в этом учении представляется движение «вперед, к Гумбольдту» [Фрумкина, с. 105].

В целом соединение разных методов отвечает гуманитарной направленности современной лингвистики с ее антропологическим видением предмета исследования, ее ведущих дисциплин – когнитивной лингвистики, этнолингвистики и лингвокультурологии, возникших в разных сферах – «язык и мышление», «язык и народная культура», «язык и культура в их синхронном взаимодействии».

На этапе неизбежного сближения синтетических дисциплин в их единении определяющей видится роль лингвокультурологии. Эта дисциплина занимается «археологией» культуры, реконструкцией народного мировидения (как этнолингвистика), делает установку на языковое сознание (как психоллингвистика), на экспериментальное подтверждение когнитивной релевантности культурных смыслов для современного носителя языка (как когнитивная лингвистика), ищет следы культурной рефлексии в языковых формах, обращена на речевую коммуникацию, ставит язык и речь во главу угла исследования (как лингвистика).

И. Вепрева. Лингвокультурология и этнолингвистика как синтетические науки, обращенные к изучению взаимодействия языка и культуры, постоянно находятся в поиске новых аспектов исследования, нового языкового материала. В Уральском федеральном университете работают две научных школы, изучающие проблему «язык и культура»: Уральская школа этимологии, ономастики и этнолингвистики и Научная школа лингвокультурологии и стилистики. Какими результатами могут поделиться представители этих школ?

Е. Березович. Полевая работа – главный (хоть далеко не единственный) источник научного вдохновения для нашей Уральской школы этимологии, ономастики и этнолингвистики, а ориентация на материал, впервые вводимый в научный оборот, один из важнейших принципов научной «идеологии». Лексика национального русского языка, больше всех в мире «растянутого» по пространству, до сих пор на значительный процент не только не интерпретирована, но даже не собрана. При всей значимости «вторичных» словарей, препарирующих в разных аспектах уже известные данные, составление «первичных» словарей не просто актуально, а жизненно необходимо для спасения языка.

Материал, который использует наша школа для своих исследований, таков: русская ономастика – топонимия, антропонимия, хрононимия, астронимия etc., функционирующая преимущественно в диалектной среде; русская лексика и фразеология, фольклорные тексты; лексика и ономастика тех языков и диалектов, которые значимы для проведения этимологических, контактологических, типологических исследований – финно-угорских языков (в том числе субстратных), славянских, романо-германских, тюркских.

Если придерживаться терминологии, которая принята в одной из крупнейших мировых школ этнолингвистики XX–XI вв. – Московской этнолингвистической школе под руководством Н. И. и С. М. Толстых, мы занимаемся в первую очередь «узкой» этнолингвистикой, изучающей традиционную духовную культуру в зеркале языка. Но вследствие широты проблемного поля эпитет *узкий* выглядит сейчас оксюморном, поэтому, наверное, можно

обойтись без этого определения. «Узкую» этнолингвистику стоит трактовать как этносемантику языка – в отличие от «широкой» (эталонно проявленной в словаре «Славянские древности»), занимающейся этносемиотикой культуры.

Кроме достаточно традиционных направлений исследований, хочется остановиться на целенаправленной разработке такого слабоизученного в отечественной науке проблемного поля, как *региональная этнолингвистика*. Речь идет об исследовании и словарном представлении региональных лингвокультурных традиций. В ходе такого исследования должен осуществиться переход от тематического описания лексики к концептуально ориентированному и типологически значимому, что предполагает организацию анализа в соответствии с выявленными в лексическом пространстве мотивационными доминантами. Новой и значимой для нас является область *лингвофольклористики*, где важно сочетать корпусный подход к лексике фольклора и установку на ее семантико-мотивационную реконструкцию. Крайне интересна и плодотворна возможность масштабного изучения фольклорной ономастики, которое обретает новый поворот при сопоставлении с реально функционирующим ономастиком определенных территорий.

Для нас важно расширение социолингвистических, лингвогенетических и типологических горизонтов этнолингвистических исследований для нового взгляда на вечную проблему «Wörter und Sachen», с разработки которой и начался, по сути, семантический и историко-культурный бум в лингвистике последнего столетия (ср. деятельность одноименной школы под руководством Р. Мерингера и Г. Шухардта). Работа в этом направлении связывается с освоением новых лексических сфер, и главным образом с изучением лексики камня, под которой мы понимаем нестандартную геммонимию – названия минералов и горных пород, не относящиеся к официальной геологической номенклатуре, изучение того, что наивное сознание категоризирует как «камень».

Эта лексическая область (наименования объектов геммологии, минералогии, геологии) – не менее ценный вклад в сокровищницу национального лексикона, чем собственно обозначаемые ею реалии – в культуру материальную; однако этнолингвисты (да и языковеды вообще) ее практически не касались, так как занимались более традиционной крестьянской культурой. Таким образом, необходима этнолингвистическая разработка не только диалектной лексики, но и преимущественно социолектной (жаргона горщиков, старателей, минералогов, арго хитников, торговых наименований и проч.). Эта словесная область парадоксальным образом сочетает в себе региональную специфику (кажущуюся новой по отношению, например, к Уралу – крупнейшему в мире центру добычи самоцветов) и способность реализовывать древнейшие мотивационные модели, проявлявшиеся столетия назад в разных языках мира – арабском, древне-

греческом, иврите, старофранцузском и проч. (разумеется, попадая в каждый следующий социохронотоп, модель модифицировалась). Отсюда вытекает необходимость приобретения неведомых для нас ранее источниковедческих, историко-культурных, лингвогенетических знаний. При всей своей сложности это интересная и важная задача, дающая новый импульс развитию этнолингвистики.

И. Вепрева. Научная школа лингвокультурологии и стилистики была создана в Уральском государственном университете в середине 1980-х гг., когда произошло формирование лингвокультурологии как самостоятельной комплексной дисциплины. Особой тематической зоной исследований является многоаспектное изучение живой речи уральского города. В настоящее время теоретической значимостью и несомненной новизной обладает интерпретация русского спонтанного диалога в аспекте его ценностного содержания. Сложившийся ранее коммуникативно-жанровый подход к речевому материалу сменился на открытое использование основного понятия культурологии – понятия ценностей, в которых отражается взаимосвязь языка и культуры. Проблема поиска ценностного содержания разговорного речевого общения потребовала обновленной теоретической позиции, связанной, в частности, с разработкой технологии анализа, который невозможен без сличения речевого поведения коммуникантов с национальными эталонами.

Конечно, в поиске ценностных смыслов как лично значимых определенных объектов и явлений мы опирались в первую очередь на понятие оценки, лингвистической категории, которая также имеет субъективно-модальную природу. Но в ходе поиска оценочных языковых и речевых средств в составе речевого диалога мы обнаружили фрагменты текста, которые, с одной стороны, говорят об оценочности речевых поступков коммуниканта, с другой стороны, их ценностное содержание реализуется без использования оценочных языковых единиц. Мы сделали важный вывод: в ситуативном контексте общения ценностный смысл неотделим от него и не всегда сводится к оценочности.

Вербализация ценностных смыслов происходит прежде всего в аксиогенных ситуациях, которые объективируются в определенных жанрах речи [см.: Карасик]. «Аксиологическая плотность» таких ситуаций во всевозможных фрагментах ценностной картины мира может быть различной. С опорой на наш исследовательский материал мы выделили ряд речевых жанров повседневной семейной коммуникации, в которых ценностные смыслы эксплицированы прямыми номинациями. К ним относятся ритуализированные праздноречевые жанры семейных праздников (тосты, пожелания, поздравления), а также жанры совета, откровенного разговора, разговора по душам и назидательные разговоры взрослых с детьми.

Но обычно в будничной разговорной речи не все ценностные установки проговариваются в виде морально-этических суждений. Глубинная имплицитная оценочность разговорной речи обусловле-

на, на наш взгляд, спецификой бытового разговорного материала, который воспринимается как незначимая преходящая повседневность.

Приведу пример ценностного фрагмента без использования оценочных языковых единиц из разговора бабушки (Т.) и внучки (О.), приехавшей ее навестить:

Т. Розу твою поставила прямо [пряма] в ванну // всю / со всех концов / на ней ничего [ничё] нету / но я её взяла и о[бб]рызгала всю // а рядом стоял мирт / на нём на некоторых ветках появилось // дак вот я её / его помыла // потому что что [чё] вода / бабочки мокнут же / я её значит помыла / всё что было там просмотрела / содрАла / а потом взяла эту штуку (о флаконе дезинсектора) / и тоже весь куст со всех концов о[бб]рызгала // ставила /

О. Угу / вот и покупай теперь землю в магазинах².

Оценочная позиция хозяйки дома Т. в представленном фрагменте определяется установкой на ответственное отношение к комнатным растениям и проявляется через речевые поступки. Это действия с пострадавшими цветами (*мирт помыла, содрала* пострадавшие части, *обрызгала* инсектицидом) и профилактические действия такого же рода (*розу, на ней ничего нету, но поставила в ванну, обрызгала*), дальнейший осмотр всех растений и знание того, какие из них не пострадали. Обилие подробностей, касающихся заболевших и здоровых цветов, говорит о растениеводстве как любимом занятии Т., внучка же охотно поддерживает разговор.

Если выразить ценностное содержание данного фрагмента в виде поведенческого правила, оно будет состоять в следующем: за растениями нужно заботливо ухаживать. Ответственность и заботливость – духовные ценности, свойственные этой пожилой женщине.

Научным коллективом была разработана эвристическая процедура лингвоаксиологического измерения разговорной речи на основе корпуса разговорных семейных диалогов и полилогов. При разработке методики лингвоаксиологической интерпретации целого разговорного текста принципиально важным было выделение двух типов его ценностно ориентированных фрагментов: *ценностно-тематических* (в основе выделения – общая предметно-понятийная тема, оценке подвергается внекоммуникативное содержание разговора) и *коммуникативно-ценностных* (в основе выделения – оценочное мнение о собеседнике (собеседниках) и ситуации общения). Культурологический результат описания ценностного содержания русской разговорной речи представлен в коллективной монографии, включающей разговорные диалоги и полилоги с полной разметкой текстов на выделенные фрагменты с последующей развернутой лингвокультурологической интерпретацией [Ценностное содержание разговорного диалога].

² Запись сделана студенткой 1-го курса УрФУ (май 2018 г., г. Нижний Тагил). Место хранения – текстотека живой разговорной речи сектора речевой коммуникации кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ.

М. Ковшова. В заключение нашего диалога предлагаю вопросы, ответы на которые позволят определить позиции исследователя в отношении того круга проблем, которые представляются значимыми на данном этапе развития науки о языке.

Вы поддерживаете расширение границ лингвистики? Согласны ли вы с тем, что язык всегда исследуется сквозь призму определенной теории как теоретический объект, построенный в определенной парадигме? Считаете ли вы возможным говорить о разновидностях лингвистической реальности? Согласны ли вы с тем, что изучение предмета лингвистики может осуществляться в комплексных науках, объединяющих лингвистику и нелингвистику? Составляют ли, на ваш взгляд, когнитивная лингвистика, лингвокультурология, лингвопоэтика, лингвофольклористика, теолингвистика и т. д. самостоятельные научные дисциплины в области языкознания? Можно ли говорить о том, что расширение понятия «лингвистическое» вызвано запросом на создание синтетических дисциплин, а в дальнейшем – целостного гуманитарного знания? Можно ли считать расширение лингвистической реальности возвращением к исторической ситуации, когда изучение языка не было автономным?

И. Вепрева. Подведем итоги. Обсуждая сегодня в ходе диалога сходство и различие этнолингвистики и лингвокультурологии как комплексных дисциплин, изучающих проблему «язык и культура», мы обратили внимание на конфликтогенные исследовательские моменты, связанные прежде всего с лингвокультурологией. В защиту последней можем сказать, что лингвокультурология как более молодая наука по сравнению с этнолингвистикой пока находится в поиске собственных подходов к исследованию механизмов широкого взаимодействия языка и культуры. Теоретические принципы и научные методы складывающейся синтетической дисциплины образуют круг проблем, требующих всестороннего осмысления.

Список литературы

Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Время суток и виды деятельности // Логический анализ языка. Язык и время. М. : Индрик. 1997. С. 229–240.

Карасик В. И. Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 65–75.

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок : Антропонимический код культуры. М. : Ленанд, 2019. 400 с.

Ковшова М. Л., Гудков Д. Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М. : Гнозис, 2017. 192 с.

Кубрякова Е. С. Смена парадигм знания в лингвистике XX века // Лингвистика на исходе XX века : итоги и перспективы : тез. междунар. конф. : [в 2 т.]. М. : Рус. филология, 1995. Т. 1. С. 278–280.

Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Лексика начала и конца трапезы в современном русском языке // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М. : Индрик, 2002. С. 573–584.

Степанов Ю. С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М. : Прогресс, 1974. С. 9–16.

Телия В. Н. Коммуникативная функция языка и проблема культурно-языковой компетенции (к постановке проблемы) // Когнитивные исследования языка : Знаки языка и смыслы культуры : сб. науч. тр., посв. памятного юбилею В. Н. Телия. Вып. 2 (45). Тамбов : ИД «Державинский», 2021. С. 19–33.

Фрумкина Р. М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века. М. : Изд-во РГГУ, 1995. С. 74–117.

Ценностное содержание разговорного диалога / отв. ред. Т. В. Матвеева, И. В. Шалина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. 228 с.

Шмелев А. Д. Дух, душа и тело в свете данных русского языка // Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира: на материале русской грамматики. М. : Языки рус. культуры, 1997. С. 523–539.

Шмелев А. Д. Язык и культура: есть ли точки соприкосновения? // Тр. Ин-та рус. яз. им. В. В. Виноградова. М. : Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 2014. Т. 1. С. 36–119.

Anusiewicz J. Kulturowa teoria języka. Zarys problematyki // *Język a Kultura*. T. 1 / red. J. Anusiewicz, J. Bartmiński. Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1988. S. 21–46.

Anusiewicz J. Lingwistyka kulturowa. Zarys problematyki. Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. 180 s.

Bartmiński J. Wprowadzenie // *Współczesny język polski*. Lublin : Wydawnictwo UMCS, 2001. T. 2. Encyklopedia kultury polskiej. S. 13–22.

Bartmiński J. Pojęcie «językowy obraz świata» i sposoby jego operacjonalizacji // Jaka antropologia literatury jest dzisiaj możliwa? / red. P. Czapliński i in. Poznań : Poznańskie Studia Polonistyczne, 2010. S. 155–178.

Bartmiński J. Język w kontekście kultury czyli co dziś znaczy metafora «europejski dom»? Katowice : Śląsk, 2018. 68 s.

Dąbrowska A. Współczesne problemy lingwistyki kulturowej // *Polonistyka w przebudowie*. Kraków : Universitas, 2005. T. 2. S. 99–110.

Łozowski P. Język a kultura w programie etnolingwistyki kognitywnej Jerzego Bartmińskiego. Między Sapirem a Malinowskim // *Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury*. T. 26. 2014. S. 155–176.

Malinowski B. Ogrody koralowe i ich magia, Warszawa : Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1987. 550 s.

Peeters B. On Linguoculturology and Cultural Linguistics // *Вестник Новосибирск. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. Т. 17. 2019. № 4. С. 6–11. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-6-11.

Sharifian F. Lingwistyka kulturowa // *Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury*. T. 28. 2016. S. 31–55.

Słownik języka polskiego / pod red. W. Doroszewskiego. T. XI. Warszawa : Polskie Wydawnictwo Naukowe, 1969. 566 s.

Wielka encyklopedia PWN : [13 t.]. Warszawa : Polskie Wydawnictwo Naukowe, 2002. T. 8. 576 s.

References

Anusiewicz, J. (1988). Kulturowa teoria języka. Zarys problematyki. In Anusiewicz, J., Bartmiński, J. (Eds.) *Język a Kultura*. Vol. 1. Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, pp. 21–46.

Anusiewicz, J. (1994). *Lingwistyka kulturowa. Zarys problematyki*. Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego. 180 p.

Bartmiński, J. (2001). Wprowadzenie. In *Współczesny język polski*. Lublin, Wydawnictwo UMCS. Vol. 2. Encyklopedia kultury polskiej, pp. 13–22.

Bartmiński, J. (2010). Pojęcie “językowy obraz świata” i sposoby jego operacjonalizacji. In Czapliński, P. (Ed.). *Jaka antropologia literatury jest dzisiaj możliwa?* Poznań, Poznańskie Studia Polonistyczne, pp. 155–178.

Bartmiński, J. (2018). *Język w kontekście kultury czyli co dziś znaczy metafora “europejski dom”?* Katowice, Śląsk. 68 p.

Dąbrowska, A. (2005). Współczesne problemy lingwistyki kulturowej. In *Polonistyka w przebudowie*. Kraków, Universitas. Vol. 2, pp. 99–110.

Doroszewski, W. (Ed.). (1969). *Słownik języka polskiego*. Vol. 11. Warszawa, Polskie Wydawnictwo Naukowe. 566 p.

Frumkina, R. M. (1995). Est' li u sovremennoi lingvistiki svoya epistemologiya? [Does Modern Linguistics Have Its Own Epistemology?]. In *Yazyk i nauka kontsa XX veka*. Moscow, Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, pp. 74–117.

Karasik, V. I. (2014). Aksiogenaya situatsiya kak edinitsa tsennostnoi kartiny mira [The Axiogenic Situation as a Unit of the Value Picture of the World]. In *Politicheskaya lingvistika*. No. 1 (47), pp. 65–75.

Kovshova, M. L. (2019). *Lingvokul'turologicheskii analiz idiom, zagadok, poslovits i pogovorok. Antroponimicheskii kod kul'tury* [Linguacultural Analysis of Idioms, Riddles, Proverbs, and Sayings. The Anthroponymic Code of Culture]. Moscow, Lenand. 400 p.

Kovshova, M. L., Gudkov, D. B. (2018). *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov* [A Dictionary of Terms in Linguacultural Studies]. Moscow, Gnozis. 192 p.

Kubryakova, E. S. (1995). Smena paradigmy znaniya v lingvistike XX veka [Changing Paradigms of Knowledge in the Linguistics of the Twentieth Century]. In *Lingvistika na iskhode XX veka: itogi i perspektivy. Tezisy Mezhdunarodnoi konferentsii [v 2 t.]*. Moscow, Russkaya filologiya. Vol. 1, pp. 278–280.

Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2002). Leksika nachala i kontsa trapezy v sovremennom russkom yazyke [Vocabulary of the Beginning and End of the Meal in Modern Russian]. In *Logicheskii analiz yazyka. Semantika nachala i kontsa*. Moscow, Indrik, pp. 573–584.

Łozowski, P. (2014). Język a kultura w programie etnolingwistyki kognitywnej Jerzego Bartmińskiego. Między Sapirem a Malinowskim. In *Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury*. Vol. 26, pp. 155–176.

Malinowski, B. (1987). *Ogrody koralowe i ich magia*. Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe. 550 p.

Matveyeva, T. V., Shalina, I. V. (Eds.). (2021). *Tsennostnoe sodержanie razgovornogo dialoga* [The Value Content of the Conversational Dialogue]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 228 p.

Peeters, B. (2019). On Linguoculturology and Cultural Linguistic. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. Vol. 17. No. 4, pp. 6–11. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-4-6-11.

Sharifian, F. (2016). Lingwistyka kulturowa. In *Etnolingwistyka. Problemy Języka i Kultury*. Vol. 28, pp. 31–55.

Shmelev, A. D. (1997). Dukh, dusha i telo v svete dannykh russkogo yazyka [Spirit, Soul, and Body in the Light of Data of the Russian Language]. In Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira: na materiale russkoi grammatiki*. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, pp. 523–539.

Shmelev, A. D. (2014). Yazyk i kul'tura: est' li tochki soprikosnoveniya? [Language and Culture: Are There Any Points of Contact?]. In *Trudy Instituta russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova*. Moscow, Institut russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova. Vol. 1, pp. 36–119.

Stepanov, Yu. S. (1974). Emil Benvenist i lingvistika na puti preobrazovaniya [Émile Benveniste and Linguistics on the Path of Transformation]. In Benveniste, É. *Obshechaya lingvistika*. Moscow, Progress, pp. 9–16.

Teliya, V. N. (2021). Kommunikativnaya funktsiya yazyka i problema kul'turno-yazykovoi kompetentsii (k postanovke problemy) [The Communicative Function of Language and the Problem of Cultural/Linguistic Competence]. In *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Znaki yazyka i smysly kul'tury. Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi pamyatnomu yubileyu V. N. Teliya*. Iss. 2 (45). Tambov, Izdatel'skii dom "Derzhavinskii", pp. 19–33.

Wielka encyklopedia PWN [13 t.]. (2002). Warszawa, Polskie Wydawnictwo Naukowe. Vol. 8. 576 p.

Zaliznyak, Anna A., Shmelev, A. D. (1997). Vremya sutok i vidy deyatel'nosti [The Time of Day and Types of Activities]. In *Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya*. Moscow, Indrik, pp. 229–240.

The article was submitted on 25.08.2021